

Андрей Пивоваров в Бонне, 5 августа 2024 года / Все фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

07.08.2024, 16:52

ИНТЕРВЬЮ

«Ощущение прыгнувшего на тебя мира». Интервью с политиком и бывшим политзаключенным Андреем Пивоваровым

Андрей Пивоваров — директор движения «Открытая Россия». Летом 2021 года его арестовали по обвинению об участии в деятельности «нежелательной» организации и уже в июле следующего года приговорили к четырем годам колонии. Первые полтора года своего срока он провел на спецблоке в СИЗО-1 Краснодара, а позже оказался в карельской колонии. Большую часть времени политик провел в одиночной камере под особым контролем. Корреспондентка ОВД-Инфо встретила с ним в немецком городе Бонне через несколько дней после того, как Андрея

освободили в рамках масштабного обмена заключенными. Интервью с женой Андрея Татьяной Усмановой [читайте по ссылке](#).

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

English version

«ДАЖЕ СОТРУДНИК ФСИН НЕ СМОЖЕТ ЖИТЬ ПО ЭТИМ ПРАВИЛАМ»

Мы останавливаемся у кофейни на берегу Рейна. Андрей берет себе кофе.

— Ты, наверное, отвык от возможности самому выбрать себе кофе или что будешь на обед?

— О да! Там, в [тюремном] магазине скудный выбор, и ты вечно изобретаешь какие-то штуки, чтобы себя порадовать. Представь себе, что будет, если взять чеснок, нарезать его в банку, залить маслом, положить туда соленый арахис и засыпать бульонной приправой...

— ...плохо будет, наверное?

— Вообще магия будет!

— Прошло уже несколько дней с твоего освобождения, как ты себя чувствуешь, было время немного привыкнуть и не хочется ли закрыться и подальше от внимания к тебе?

— Желание такое есть и огромное. На пресс-конференции [бывших политзаключенных 2 августа] было три человека не потому, что мы такие наглые и от всех оторвались. Если бы девушки хотели участвовать, их бы позвали. Просто по определенным причинам всем тяжело. Никто из нас не давал согласия на депортацию, и когда ты едешь по Москве и понимаешь, что не скоро ее увидишь — это очень тяжело. И вот ты оказываешься за рубежом и не понимаешь, зачем здесь оказался, что здесь будешь делать.

Андрей Пивоваров после пресс-конференции в Бонне, Германия, 2 августа 2024 года

Это такая хандра, хочется забиться под одеяло и не двигаться, потому что морально тяжело. Хочется передохнуть и временно нырнуть под камень. Ощущение прыгнувшего на тебя мира.

— В чем это ощущение выражается?

— Даже в быту. В тюрьме подсаживается зрение, потому что обычно ты находишься в пространстве, которое не больше трех-пяти метров, максимум — десяти. Тебе не нужно смотреть куда-

то далеко. А сейчас я смотрю вдаль и вижу огромную реку, вижу лес. Когда мы с Сашей Скочиленко ехали в автозаке [в «Лефортово»], мужчин не выпускали в туалет, а женщин водили, вот она возвращается и говорит: «Андрюха, там лес, лес! Я мечтаю о лесе!» Ого, говорю, лес, ничего себе!

То есть у тебя появляется возможность двигаться и что-то решать самому. Там [в тюрьме] ты добиваешься минимальных прав, а сейчас они стали очень широкими. Попав в Карелию, я начинал от ШИЗО, потом — ПКТ, потом — СУС. Проблема в ПКТ, что там нет ничего своего. Форму тебе выдают, нижнее белье тоже выдают, кружка их, книжки тоже хозяйские, бумажки можно брать с собой только на полтора часа личного времени. Но у тебя есть классная открытка с котиком, которую тебе прислали родные, ты взял ее [тайком] и можешь смотреть на нее, а можешь в маленькую книжечку вставить свою закладку — и ты уже их обыграл.

В СУС я затащил с собой бумажный ПВР. Они смотрят [по камерам] — человек читает ПВР, претензий быть не может. А что он туда может подкладывать бумажки, они уже не понимают. И это маленькая моя победа.

— Какие еще хитрости в обход правил у тебя были?

— У меня жестко контролировали килограммы. Купить можно только те 36 килограмм, которые у тебя есть [по правилам внутреннего распорядка]. Ни у кого больше не взвешивали еду и вещи, у меня взвешивали, потому что — особый контроль. Они боялись, что приедет «управа», начнется проверка, увидят, что у меня чего-то много, и будут ругаться. Поэтому они взвешивали у меня все бумаги, книги, вещи и еду. Кажется, что 36 килограмм — это много, но у меня банально материалы уголовного дела весили килограмм пять, переписки, книги — столько же, зимняя одежда весит много.

Это напряженно. Закупиться в магазине можно два раза в месяц, хочется себе что-то взять. И ты начинаешь хитрить. Взял какие-то хозяйственные вещи, спрятал под туалет, и этого

не видно. Когда проходит взвешивание, я все вешаю сушиться. И вот ты уже сидишь и думаешь: «Ага, вы меня хотели закрутить, а я вас обыграл!» Это мелочи, но в бытовом плане они важны. Там контролируется все: когда есть, убираться или умываться. Например, на умывание отведено полчаса, а я сделал это за 10 минут и лег книжку почитать. По камерам это увидели — рапорт.

*Андрей Пивоваров после пресс-конференции в Бонне,
Германия, 2 августа 2024 года*

— Какими санкциями такой рапорт грозит?

— Это взыскание. Будет много взысканий — дальше будет ШИЗО. Например, то взыскание за книгу было записано в мое дело, и оно обнулило мою возможность выйти из СУСа. Чтобы из него выйти, ты должен девять месяцев провести без нарушений. Ты же книжку читал, какой тебе нормальный отряд. Меня бы и так не пустили, а тут у них появилось основание. К сожалению, система построена так, что, даже если ты сотрудник ФСИН, ты не сможешь жить по этим правилам. Ты всегда ошибешься.

13 на свободе, 1289 в тюрьме. Вы можете им помочь.

13 заключенных по политическим мотивам вышли на свободу, но более 1 200 по-прежнему находится в СИЗО или колонии. ОВД-Инфо защищает 100 человек по уголовным делам. Такие дела длятся годами и подзащитным нужна помощь на протяжении всего судебного процесса. Подпишитесь на пожертвования ОВД-Инфо, чтобы никто не остался один на один с системой.

ПОДПИСАТЬСЯ

«В КУПОЛЕ ОБОРОНЫ»

— Ты сказал, что за время срока упало зрение, а я обратила внимание, что у тебя будто чуть севший голос — это тоже следствие заключения?

— Появилось вот это странное ощущение... не то чтобы неуверенности. Просто кругом новый мир, и ты от него защищаешься. Раньше [до заключения] идешь в магазин, там стоят люди, ты хочешь пройти и просишь их подвинуться, а сейчас не буду просить — подожду. Я стал более тихим и аккуратным, пока не привык к новому миру и нахожусь в куполе обороны. Надеюсь, это пройдет, но такой эффект тюрьмы.

— Как в таком случае ощущается повышенное внимание к тебе как к политику, бывшему политзаключенному и участнику беспрецедентного обмена?

— Скажу честно. Когда мы находились в автобусе, а потом уже в самолете, мы сплотились. Кто-то кого-то знал, кто-то — нет, но мы побывали в одной истории, и для нас это был такой междусобойчик. Но, как мне объяснила [жена] Таня [Усманова], для многих людей это было очень важным событием.

Мы изнутри не понимали его масштаб. Понимали, что это важно для нас лично, но не думали, что это затронет такое большое количество людей. Что так много людей будут смотреть

и переживать, что люди поедут нас встречать в аэропорт. Когда задумывали эту пресс-конференцию, мы думали, ну, придут люди поговорить, но отзванивались ребята и говорили, что там сотни регистраций — мы были удивлены.

— Неужели вы действительно этого не ожидали? Не думали, что это настолько громкое событие?

— Понимание происходящего приходило постепенно. О том, что происходит и что это за обмен, мы поняли, только когда уже из «Лефортово» оказались в автобусе. Что летим в Турцию, поняли, когда уже взлетели. Мы не понимали масштаба и внимания людей к этому процессу, поэтому, когда осознали, что происходит, поняли, что нужно себя немного пересилить, не забиваться спать и заниматься бытовыми вещами, а использовать это как трибуну с надеждой, что это [такие обмены] будет повторяться. Это очень важно.

*Андрей Пивоваров после пресс-конференции в Бонне,
Германия, 2 августа 2024 года*

Я представил, что, если бы сидел в камере и тут мне пришло письмо или пропаганда сказала, что кого-то обменяли, я бы очень порадовался, пускай это даже не коснулось меня. Сейчас у нас десятки людей, которым нет и двадцати, и они получают десятки лет. Никаких УДО и ПТР для политических не бывает, все, что прописано в УИКе — это все чушь, ничего не работает для нас. И когда люди понимают, что в этом плохом мире есть шанс и пример успеха — это круто, думаю, что это их приободрило. Арестант за другого арестанта всегда очень рад.

— Какие у тебя были отношения с другими осужденными?

— У меня есть опыт [пребывания в заключении] на юге и на севере [России]. На юге полная взаимопомощь, правила общежития. Есть очень хорошее слово — «людское». То есть человек человеку помогает. Если у бедолаги нет штанов или кружки, ему это найдут, если кто-то приехал и у него нет еды, ему отыщут. При этом и он со своей стороны должен вести себя порядочно и не наглеть: никто не будет тебе искать балык, но «доширак» найдут, а если у тебя три «доширака» — будь добр поделиться.

Или в одном из заведений, когда люди понимали, что мы там находимся проездом (речь об этапе — *ОВД-Инфо*) и нет возможности закупиться в магазине, а запасы закончились, в какой-то момент нам просто приходит пакет с соседних камер, где есть чай, сигареты и какие-то дешевые карамельки.

Или был еще момент, когда там парню исполнялось 18 лет, и он уходил после этого в обычную камеру [из камеры для несовершеннолетних]. А публика, с которой я тогда содержался, это были такие шумоголовые громкие ребята. Слышу: «Там у Михи праздник!» И каждый в кормушку для Михи что-то сунул. У меня было полпалки колбасы, я отдал ему, кто-то — чай. И бедолага-детдомовец ушел с во-от таким пакетом. Это взаимовыручка, людское отношение, которое мне очень импонирует.

Другая сторона — Карелия. Там с точки зрения ПВР любые передачи и подарки [между заключенными] запрещены. Есть прецеденты, когда людям, которые занимаются сбором чая или сигарет, чуть ли не вменяли уголовные статьи за так называемое экстремистское сообщество «АУЕ».

— АУЕ включили в перечень экстремистских организаций как раз примерно в тот же период, что ты сел.

— «АУЕ» было признано экстремистским в 2020 году. Это мне каждое утро [в карельской колонии] говорили: «12 августа 2020 года Верховный Суд Российской Федерации принял решение о запрете...» Там нельзя ничего передавать и отдавать. Доходило до того, что, когда у моего соседа обнаружили газеты, которые я выписываю, была истерика и паника!

— Что? Почему?

— «Как вы допускаете, что один осужденный может пользоваться материалами другого?!» Это заметили на обходе и через 30 минут пришел человек, который разобрал и вынес ящик, где мы хранили старые газеты и книги.

В моей ситуации сотрудники еще больше переживают, потому что каждый приезжающий-проверяющий сразу шел ко мне, я был как обезьянка. Думал, что это поможет решать какие-то вопросы, но нет. Любые обращения сводились к отговоркам — «все [у вас] хорошо».

Андрей Пивоваров и Татьяна Усманова во время интервью на берегу Рейна в Бонне, Германия, 5 августа 2024 года

Иногда хуже было: приходит полковник в очках, интеллигентного вида, хочет поговорить, спрашивает, как дела, что делаю. Отвечаю, что письма пишу. «Ага, угу. Как Ленин — Каутскому?» Посмеялись, он меня про книжки поспрашивал. Думаю, приятно поговорили с человеком. Оказалось, человек со мной приятно поговорил, а потом пошел и написал жалобу, что во время просмотра телевизора у осужденного Пивоварова ручка в руках. Это сильно раздражает, потому что так у тебя всего полтора часа на письмо, а с телевизором — еще плюс час. Несмотря на то, что я содержался один, если по распорядку указано, что время смотреть телевизор, значит, надо смотреть телевизор, а писать нельзя.

С этим ничего не сделаешь, все говорят: «У нас такой приказ, вот тут камера работает, она на вас смотрит, если камера замечает [нарушения], нам идет звонок, приходит инспектор, пишет рапорт». Я даже это тестировал: сижу, взял в руки sudoku, только начал писать [раздается]: «Что вы делаете, почему пишете? Уберите!»

— И никак не договориться ни с кем, чтобы отношение было хоть немного более человеческим?

— К сожалению, система выстроена так, что если инспектор увидит и не сообщит о нарушениях, это увидит оперативник, и он напишет на инспектора. Если оперативник пропустит, его начальник напишет дальше. Это система, где каждый забит.

— Получается такая круговая порука?

— Да, и они пишут друг на друга жалобы. Грубо говоря, один сотрудник пришел не в тех ботинках, его увидел начальник: «Почему одет не по форме? Я на тебя — рапорт». Я их не оправдываю, это их решение — пойти туда работать, но я видел молодых парней, у которых по три выходных в месяц, потому что людей не хватает. Без указки и команды они ничего не могут сделать.

«ЖИЗНЬ БЕЗ СВЯЗИ СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ БЕЗ КУСКА ХЛЕБА»

— А какой там у вас был информационный фон, какие новости с воли до тебя долетали?

— Первые полтора года я был в Краснодаре на спецблоке. Там нет телевизора и радио, но есть общение: у нас была камера ПЖшников, им обязаны ставить телевизор, и можно перекрикиваться через двери. Когда что-то происходит, ты можешь постучать в стену: «Леха, че там?» Леха смотрит телевизор и рассказывает.

Помните, в Казахстане был переворот? А мы ничего не знаем, адвокат не приходит из-за новогодних праздников. И тут среди ПЖшников пошел слух, что в Казахстане «очень плохо»: мы ввели войска, там людей убивают и каких-то важных воров повязали. Что происходит?! Все как-то это обсуждают, и только через 10 дней пришел адвокат и мне все рассказал.

Если в Краснодаре [новостной] поток еще какой-то был, то в Карелии просто нет вообще ничего. Когда я попал сразу в ШИЗО и в ПКТ, сотрудники не говорили ни на какие темы. Пытаешься у них хоть что-то узнать — «все хорошо». Есть единственная радиостанция — «Такси FM», я с двух нот узнаю любую песню оттуда. Там играет одна и та же музыка, она не плохая, просто если у вас постоянно играет одно и то же и нет никаких новостей, состояние напоминает паранойю. Каждый день похож на другой и твое единственное событие — выход на прогулку на полтора часа. Это было тяжело.

*Андрей Пивоваров и Татьяна Усманова, Бонн, Германия,
5 августа 2024 года*

— А если постучать в дверь камеры и попросить, чтобы переключили волну?

— Постучать нельзя. Если еще в Краснодаре такое может быть, то в Карелии любая межкамерная связь — сразу рапорт. «Здравствуйте, заехал Пивоваров» — рапорт. Дозволительно было вечером перекинуться [словами] «доброй ночи», но все остальное перекрывается. К тому же место, где я находился

в Карелии, было удивительно тем, что там ловила одна станция. Она транслировалась централизованно на всех в колонии, только через год сотрудники купили какую-то связь, и появилось больше музыкальных станций. А так — да, люди сидят, например, два с половиной года в ПКТ и слушают одну и ту же музыку — это отдельная пытка. Со временем привыкаешь, но жизнь без связи сложнее, чем без куска хлеба.

— С радио — понятно, а как было с литературой?

— Паранойи много. Книжки не пропускали, если там есть минимальное упоминание о политике. Доходило до маразма: [книгу философа] Мишеля Фуко не пропускали, потому что [в книге] был описан план тюрьмы. [Говорю], но это же Бастилия! — «Нет, все равно не пройдет». Антифашистскую книгу «Мобилизованная нация» тоже не пропустили. Каждый старался перестраховаться. В конце концов я уже решил не парить им мозг, спросил: «Толкиена пропустите?» Пропустили — сидел, сказки читал.

Формально есть закон: не пропускают порнографию, экстремизм, специальные знания по боевым искусствам, собаководству.

— Собаководству?

— Ну да, воспитание собак. Нас же с собаками охраняют. Паркур запрещен еще почему-то.

«ТЮРЬМА — ЭТО СРЕЗ ОБЩЕСТВА»

— В феврале 2022 года ты уже был в Карелии?

— Это было еще в Краснодаре. Я в это не верил. Удивительно совпало, что за несколько дней до этого, 22 февраля, нам временно включили радио, и мы почти до самого отбоя слушали выступление Путина в Совбезе. Началась тревога, было ощущение, что сейчас что-то будет. К тому же местные опера

сказали, что у них усиление — значит, оружие раздали. Мы до конца не понимали, что происходит, ведь связи нет.

Утром 24 февраля пошло: что-то началось. Подъем у нас в 6 утра, в 8 — проверка и перекличка. Парни [необычайно громко] перекрикиваются, мат стоит. Пришла проверка, среди них был такой нормальный оперативник, я его спросил: «Что там происходит?» Было сказано: «Там пиздец».

Мы обалдеваем, информации нет. Общее ощущение недоумения и непонимания. Информационная изоляция очень сказывается. Через какое-то время пришел адвокат и рассказал, что происходит.

— Как ты узнал об убийстве Алексея Навального?

— Когда я в СУС перебрался, там был телевизор. Можно перещелкивать каналы, которые транслируют на всю колонию. У меня время на просмотр телевизора было час днем и час вечером. Показывали государственные каналы. Есть такая программа по «Первому каналу», называется «Большая игра», мерзейшая, если хочешь отвращение получить — включай. Для меня это был способ узнать хоть какую-то информацию: когда они обсуждают некое событие, я узнаю, что произошло. И вот эта программа прерывается, ведущий говорит: «Мы получили новости из Ямало-Ненецкого автономного округа, что осужденный Навальный умер». Я подскочил: что?! Потом начинаются новости. Короткое сообщение и больше ничего.

*Андрей Пивоваров на берегу Рейна в Бонне, Германия,
5 августа 2024 года*

У нас в это время как раз начиналась баня. Туда можно пойти после телека. Я отказался, назвал причину: я чистый. Нельзя просто так отказаться, нужно назвать причину. Было полное опустошение, несколько тревожных дней до прихода адвоката в надежде на лучшее, ведь Алексей приучил нас, что выбирается из самых безвыходных ситуаций. Это был большой удар.

Со временем понимаешь его силу, потому что мы все читали его смешные посты про ШИЗО или ПКТ, а когда сам оказываешься в таких условиях, понимаешь, что он был в аду. Только у меня это длилось 100 дней, а у него — два года. За это время ухудшаются здоровье и нервы, ты постоянно ожидаешь подставы, провокации на каждое действие. Я подхватил чесотку, например, в ПКТ, ее долго не могли вылечить, возили меня в больничку — думаю, это было из-за нервов.

— Как осужденные, которых ты встречал, говорили и размышляли о происходящем в стране?

— Могу сказать больше о Краснодаре, там можно договариваться с кем-то по дороге в суд в автозаке, а в Карелии меня полностью изолировали: иногда появлялся сосед — региональный депутат, мы были формально в одном отряде, но у него была другая секция, и за любые переговоры следовал рапорт, поэтому все общение сводилось к нулю.

Осужденные, конечно же, обсуждали [войну и политические события]. Тюрьма — это как срез общества. Удивительно, что у всех очень трезвые оценки. В 2023 году я ехал по этапу, и поезд на сутки остановился в городе Мичуринск Тамбовской области — чтобы не держать в холодном вагоне, меня гуманно закинули в местный маленький СИЗО. Меня поразило, что там парни примерно моего возраста, у которых были статьи за наркотики, [невыплаченные] алименты и кражи, очень трезво оценивали происходящее.

В городе Мичуринск сто пудов не читают ни ОВД-Инфо, ни «Новую газету». При этом их мнение мало чем отличалось от позиции хипстера в московской кофейне. Они живут в городах, где видят цены и происходящее, и общая позиция неподдержки была очень четко изложена, хотя у этих людей нет большого образования и широкого кругозора, они не читают те телеграм-каналы, что и я, но мыслят примерно как я. Сторонников происходящего среди арестантов я не встречал, за исключением короткого периода в самом начале.

— Все это дает много веры в людей.

— Да, наверное, так и есть. Ты спрашивала по поводу отношения к людям: когда я вернулся [в СИЗО из суда] со своим приговором в четыре года, весь продол (хотя для людей, которые там сидят, пять лет — это вообще не срок, если у человека звезды на плечах, значит, ему дали восемь лет минимум, а мой сосед [осужденный] по наркотикам говорил: «Десять лет за счастье будет») кричит: «Андрюха, ты не переживай, все нормально будет!» Это была такая массовая поддержка.

Когда я уезжал оттуда, один авторитетный человек сказал мне: «Ты можешь сказать, что ты наш друг», — это очень важно. Если бы у меня где-то были сложности и я сказал бы, что я его друг, и [если] он это подтвердит, мне было бы намного проще. Большинство других обитателей тюрьмы за такую фразу готовы были многое отдать.

Андрей Пивоваров с Ильей Яшиным после пресс-конференции в Бонне, Германия, 2 августа 2024 года

А с другим таким же влиятельным человеком, который, к сожалению, умер в тюрьме от ковида, мы подружились и оба оказались поклонниками певицы [Светланы] Лободы. У него был телевизор, а у меня нет, и есть такие воздухоборники, по ним звук может проходить. И он время от времени кричал: «Андрюха, Андрюха, Лобода поет!» — подымал телек, и я слушал Лободу — это, конечно, праздник был!

В то же время я понимаю, что есть и другая сторона. Просто когда я приехал и первые дни находился в шоке, все настороженно интересовалось, что за статья, почему я здесь оказался, потому что, находясь там, я слушаю все их разговоры,

а оперативная работа не заканчивается. Когда они понимают, что ты не подставной, за что ты сидишь и что у тебя есть принципы, которые ты можешь обосновать и за которые сидишь [отношение становится нормальным].

Мы много спорили с некоторыми — например, по поводу Сталина до крика доходили. И это тоже было нормально, хотя обычному человеку в тюрьме спорить с самым главным человеком в тюрьме странно. А я с ним дискутирую, и мне это позволено — я спорю не потому, что дерзкий, а потому, что у меня есть позиция и я защищаю ее. Думаю, если бы в наших колониях не было такого давления, политические смогли бы найти с сообществом нормальные отношения — поэтому, наверное, нас и изолируют. За все время у меня не было конфликтов с другими арестантами, исключая один случай, когда мне намекнули, что я не прав.

— Расскажешь?

— [В ожидании апелляции] я приехал на ПФРСИ — это отдельный барак, где живут люди, которые еще не осуждены. Я там был около одиннадцати недель. Единственный плюс — что день за полтора идет. А так — грязно, комары, тараканы, жратвы нет, магазина нет. Там жуткая вода: стакан наливаешь, а она — вылитый дюшес. Темно-коричневая жижа, в воде осадок, она воняет. Мыться в ней сложно, хоть и привыкаешь, а пить невозможно. Все это раздражало. Я решил перекинуть с освобождающимся парнем бутылочку воды. Отдали ее на анализы в Краснодар, оказалось — при долгом употреблении начинаются проблемы с печенью и глазами.

Я [через адвоката] сделал пост, что мне повезло: из крана льется дюшес. Пускай по запаху и вкусу это не дюшес, но выглядит ровно так же. И пока строят новые решетки, заборы и колючую проволоку, лучше бы построили нормальные очистные фильтры, потому что у осужденных нет денег покупать воду. У меня, например, есть, а у многих нет.

И этот пост как-то выстрелил, его посмотрело огромное количество людей. Видимо, все дошло до Москвы. Пост вышел во вторник утром, а уже на следующий день меня выводят из камеры, заводят во дворик, а во дворике стоит смотрящий за колонией, такой крупный мужчина, раза в полтора больше меня, с ним еще двое. «Ты чо там жалуешься?!» — и начинается такой конфликтный разговор. Я понимаю, что их больше, и готов уже к любому развитию ситуации. Говорю: слушай, да в чем проблема, я даже жалобу не писал, что ты говоришь такое? А он сам не понимает, что происходит. Рассказал ему про воду. «Ты чо, там такое было!»

Если бы я стушевался, может, начали бы бить, но не убили бы всяко. Разговор удалось вывести [на менее агрессивный уровень], и я так понимаю, что случилось следующее: поднялся шум, и им сказали навести порядок. Когда перешли на человеческий разговор, он говорит: «Слушай, если тебе нужна вода, мы тебе ее будем давать — не проблема. Просто в рамках жизни, которая есть в колонии, чем больше внимания, тем хуже».

*Андрей Пивоваров на берегу Рейна в Бонне, Германия,
5 августа 2024 года*

То есть если ты привлекаешь внимание к проблеме, то какие-то послабления, которые у них есть, будут перекрыты. Это мешает их жизни. То есть воду, может, в конце концов и сделают, но другие гайки будут закручены. И они в своем большом арестантском комьюнити понимают, что будет плохо. А я как человек новый этого не понимал.

— Это очень неожиданно звучит, если исходить из представления, что привлечение внимания с воли поможет улучшить условия содержания и добиться соблюдения минимальных прав. Например, Саше Скочиленко, когда ее перевели из камеры на 18 человек, огласка очень помогла.

— Это может прецедентом, но если брать не политическую историю, а обычных коммерсантов, то облегчить себе быт сто процентов проще человеку, к которому нет внимания. Он может вопрос прорешать, договориться. Когда есть внимание, сотрудники боятся давать послабления, они пытаются выстроить систему максимально жестко, чтобы с них не спросили.

Берем, предположим, СИЗО. Там на 20 коек 25 человек, и все спят по очереди. В этой ситуации, с одной стороны, если все будут жаловаться прокурору, будет плохо. Администрация понимает, что сделать они ничего не смогут и встречные требования осужденных тоже будут отклонять. То есть, например, у нас [заключенных] не хватает мест — окей, тогда мы больше еды будем затягивать, телевизор нам включите, поблажки на связь сделайте (у меня телефона никогда не было, но такое может быть) — обеспечьте дополнительные блага. Наличие нарушений позволяет вести торг, и это движение с двух сторон. Если ты публичный, торга никакого не будет, потому что кто знает, что ты напишешь в интернете, что скажут твои друзья.

Я прочел интервью, которое Ольга Романова давала журналу «Собеседник», где в ответ на вопрос, если вы окажетесь в тюрьме, какую вы выберете, она говорит, что выбрала бы «Лефортово». Меня это покорило: никогда в жизни, если есть выбор, этого нельзя делать. Я был там. Там действительно неплохая еда, но больше нет ничего. Самое раздолбанное СИЗО Дагестана или Адыгеи, где дыры в полу и нет баланды, лучше, чем самая лучшая московская тюрьма.

— Ого, почему?

— Это режимное учреждение. Да, в «Лефортово» хорошо кормят, но, грубо говоря, если у вас нет баланды, которая полагается по нормативам, — нет мяса в баланде — то СИЗО будет виноват, вы будете жаловаться [и ничего не дадут]. А если я не буду жаловаться [мы договариваемся, что] мясо заходит с воли. Это открывает окно возможностей.

В Карелии сотрудники старались все сделать по нормативам. Мы должны были мыться отдельно [от других заключенных], нас не водили в общую баню, они зимой прокладывали трубу в наш барак, чтобы у нас текла вода. Как только есть нарушения, появляется возможность для диалога.

«БОРЬБА СТАЛА БОЛЕЕ ЖЕСТКАЯ»

— Чего тебе больше всего не хватало во время заключения?

— Конечно, общения с близкими. Сын праздновал три дня рождения без меня — это самое болезненное. Чувство, которое больше всего раздражает: ты привык любые вопросы решать сам, а там на решение каждого вопроса требуется куча интеракций: написать письмо, кому-то сообщить, люди могут тебя не понять. Это бессилие часто наводило на мысли: дайте мне на полчаса телефон, и я все решу! А тебе приходится объяснять, уговаривать сделать простые вещи. Это огромная проблема.

Татьяна Усманова и Андрей Пивоваров, Бонн, Германия, 5 августа 2024 года. Год назад Андрей и Татьяна сыграли свадьбу в карельской колонии, где Андрей отбывал срок

Плюс отсутствие информации. Я потом все-таки нашел способ получать [новостные] дайджесты, чтобы понимать, что происходит, и не выпадать из процесса. Мне это было очень важно.

— Как ты думаешь, в тебе осталось много тюрьмы — в повадках, привычках, сленге?

— Очень забавно было, когда мы встретились со всеми, кого обменивали, — видно было, кто где находился. Например, у меня жаргонных выражений полтора года не было вообще. У нас за слово «кича», «баландер» человек сразу уезжал в ШИЗО. Если ты говоришь «лагерь» — тебя тоже отправляют, потому что надо говорить «колония». Четыре раза в неделю проходит дисциплинарная комиссия, и кто-то обязательно уезжал за жаргонные выражения в адрес другого осужденного. Поэтому ты себя контролируешь, чтобы не давать им шанс.

Еще с первой своей истории [в 2015 году] в Костроме, когда попадал в СИЗО, мы тогда не привыкли к административным арестам, и у многих ребят, когда первые сутки пошли, был кураж тюремной романтики: «баланда», «кормушка». Мне это все очень не нравилось. Нельзя впускать в себя эту культуру. Да, правила общежития, разговорные понятия, но кичиться этим я не готов. [Когда нас освободили] я снял в «Лефортово» робу и выкинул. Казалось бы — привези с собой, но для меня это такое отвращение! Если ВДВшник будет 2 августа надевать [свою] форму, то я никогда в жизни форму не надену добровольно. Никакой романтики в этом нет.

Даже сейчас, когда я рассказываю бытовые вещи, не чувствую никакого геройства, что я в этом находился. Тюрма не дала ничего хорошего. Говорят, тюремный опыт может быть полезен, — полная чушь. Поэтому надеюсь, что моя речь не полна всем этим. Если есть возможность избежать тюрьмы, нужно ее избегать, ничего хорошего там быть не может, особенно — в российской.

— Как ты изменился за это время?

— Надеюсь, что стал спокойнее. Когда тебя провоцируют, зажимают в рамках, ты можешь пытаться [исходить из позиции] «я сейчас всем покажу», но, скорее всего, показать не получится, потому что у тебя мало рычагов давления. Торг, переговоры — да, работают. Эта позиция допустима. Умение разговаривать там очень важно.

После первого интервью наша позиция по поводу России и работы с населением, отмены санкций вызвала шквал негативной реакции, куча хлама и эмоций полились в соцсетях. Раньше я бы написал все, что думаю об этом, а сейчас думаю — не стоит. Раньше я бы постарался каждому доказать, в чем он неправ, а сейчас лучше буду аккуратно вести свою линию, и она будет, надеюсь, более взвешенной.

— Да, не успели вы выйти на свободу, как уже начались обвинения, что вы пообещали отстаивать интересы русских.

Обвиняет та же российская оппозиция. Как ты считаешь, почему так происходит и что ты об этом думаешь?

— Я [пока сидел], конечно, знал, что все ругаются, но не думал, что настолько. Все всегда ругались, но сейчас уровень агрессии вырос. Мы живем в военное время, даже если находимся в другой стране, тем более те люди, которые находятся непосредственно с той и с другой стороны.

И еще, мне кажется, есть элемент бессилия, когда люди сделать ничего не могут, они циклятся на своей позиции, а если кто-то ее не разделяет — появляется место для энергии и злобы. Мне кажется, у людей не хватает возможности самореализации. Помните, все ругались из-за подписей за кандидатов [в президенты Бориса Надеждина и Екатерину Дунцову]? Но когда появилось конкретное дело, многие люди с разных сторон поддерживали это. Сейчас такой повестки практически нет, и все время нужен враг.

— Так много конфликтов и ругани. А нужно ли вообще всем объединяться и консолидироваться?

— Внутривидовая борьба, как известно, самая жесткая. Да, сейчас стало более жестко и агрессивно, но я политикой, к сожалению, занимаюсь больше 15 лет — к сожалению, потому что пока единственный успех в том, что вышел из тюрьмы — всегда были споры про объединение, кто хороший и кто плохой, кто кремлевский агент, кто мурзилка, кто чистый оппозиционер. Это нормально с точки зрения общества, потому что демократы не ходят строем, у каждого свое мнение — так все время было, это нормально. Я по-прежнему остаюсь сторонником консолидации, нужно общаться и договариваться.

*Владимир Кара-Мурза, Андрей Пивоваров и Илья Яшин
во время пресс-конференции в Бонне, Германия, 2 августа
2024 года*

— Другие освобожденные говорили, что перед обменом им предлагали подписать соглашение о помиловании. А ты его подписывал?

— Да, если на обмен никто не соглашался, то с прошением была другая ситуация. Незадолго до освобождения (Андрею оставалось сидеть месяц — *ОВД-Инфо*), дней за 5-7 до обмена, через близких и друзей стали доходить слухи, что мой выход на свободу далеко не гарантирован. Хочется надеяться на хорошее, но есть предпосылки, намеки, которые я не видел изнутри.

И вот я сижу, обедаю, а ко мне заходит сотрудник, говорит: «Андрей Сергеевич, не желаете прошение о помиловании написать?» Я говорю: вы смеетесь, что ли? Чушь какая-то, его рассматривают месяца три. Отвечает: «Ну, вы попробуйте, может, быстрее будет. Нужно очень». И я понимаю, что какая-то игра началась. У меня было 10 минут на принятие решения.

Я знал, что есть высокая вероятность никуда не выйти, и предположил, что если есть какая-то игра и возможность для провокаций, что, мол, я просил и умолял о помиловании, я напишу такое, что его даже публиковать нигде не захотят: там нет признания вины. Я подумал, что в рамках тех вводных, что у меня были, я себя никоим образом не подставил, никакого уничижительного прощения там не было.

Я прекрасно понимаю, что в этой ситуации хорошо бы, чтобы на моем месте были другие люди, у которых, например, есть серьезные проблемы со здоровьем. Я в этот обмен не записывался, никак его не инициировал. Количество слотов, подозреваю, было ограничено, и надеюсь, что я не занял ничье место. Никто из тех людей, кто меня поддерживал, не стал бы тратить ресурсы и прилагать серьезные усилия на обмен человека, которому осталось сидеть всего месяц. Судя по всему, те негативные прогнозы, что были насчет меня, были реальными.

— Конечно же, все рады за людей, которые освободились. А с точки зрения политики такой обмен — это благо или нет?

— Абсолютное благо. Все эти истории, мол, не развязывайте Путину руки на новых Красиковых — это имеет очень слабую под собой базу. Если такое желание будет, набрать новых заложников в любой момент — не проблема. А вот освобождение — это очень важно. Наша страна сейчас находится в оккупации, и тут есть логика партизанского отряда: полезнее быть на свободе, а не в тюрьме. Пусть кто-то из этих людей никогда не будет заниматься политикой — неважно, главное, что мы вытащили своих. Это очень важно. Даже если человек не согласен на обмен.

— Даже если не согласен? А это не лишает субъектности?

— У меня позиция более радикальная. Если человек категорически против и артикулирует это, тогда вопрос спорный. Но моя личная позиция: чем больше людей будет

на свободе, тем лучше. От того, что люди в застенках, выигрывает только режим.

— Как ты думаешь, у тебя получится продолжать заниматься политикой, находясь за рубежом? Или, может, ты завязал и поедешь на воды?

— На воды очень хочется, но надо заниматься дальше. В какой-то момент нужно будет выдохнуть, конечно. Мне важно не потерять связь с Россией. В эти три дня я вижу, что те проблемы, которые волновали меня там, они не в повестке здесь. Например, ставку ЦБ подняли — это было для меня большое событие, я думал неделю о том, какие последствия будут, а здесь это не обсуждается. Рост цен, падение финансовой биржи — это события, которые важны для существенной части России. Тот факт, что находишься не внутри страны, немного понижает твой голос, в то же время возникает возможность громко говорить о том, что можно делать там, возможно, даже заниматься координацией. Эту возможность нужно использовать.

Текст: Марина-Майя Говзман

Все фотографии: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

«Высушивает и делает каменной». Татьяна Усманова, жена политика Андрея Пивоварова — о свадьбе в колонии и поддержке мужа

«Судья выгоняла за то, что я ему улыбалась».

Контакт с реальностью. Как занимался политикой, боролся с мошенниками и попал в тюрьму Андрей Пивоваров

Оппозиционер Андрей Пивоваров получил четыре года колонии за посты, связанные с «Открытой Россией» Михаила Ходорковского.